

UNITED WISDOM

Намерение, попытка и совершённое действие

Свобода и действие

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

A-04-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Намерение, попытка и совершённое действие

Эпиграф

> *Возможность может не появиться.*

Джозеф Хейвен, *Mental Philosophy*, раздел об исполнительном волении, с.530. Собственный перевод отдельного короткого предложения: принятое решение ещё не обеспечивает случая для исполнения. Исторический контекст не объявляется современной теорией поведения.

О чём эта статья

Мы нередко рассказываем о деле одним глаголом, хотя в рассказе скрываются разные события. Собирался исправить, попробовал исправить, заменил деталь, добился нужной работы — это четыре утверждения с разными основаниями. Смешение бывает особенно заметно, когда результат не получен. Один человек говорит, что ничего не сделал, другой считает задачу выполненной, поскольку приложил усилие. Между этими крайностями может оставаться вполне определённое действие, которое состоялось, но не привело к ожидаемому исходу.

В статье мы разберём различия намерения, попытки, совершённого действия и результата на условном бытовом примере. Выбранный первичный контекст Джозефа Хейвена поможет увидеть исторический вопрос об исполнении решения; аристотелевское различие выбора и желаемой цели удержит другую границу. Это не единая психологическая модель и не способ оценивать человека по успешности. Нас интересует точность рассказа: что действительно произошло, что остаётся неизвестным и какой дальнейший вопрос соответствует фактам.

I. Починить или заняться починкой

Представим условного персонажа Павла. Дверца его собственного шкафчика не удерживается закрытой: защёлка иногда отходит. Павел решает заменить её в субботу. Он покупает подходящую на вид деталь, достаёт отвёртку и фотографирует старое крепление. К этому моменту несколько действий уже выполнены. Но утверждение, что дверца исправлена, пока не поддерживается ни одним из них. Подготовка относится к ремонту, однако ещё не является тем состоянием дверцы, ради которого ремонт задуман.

Слово починить соединяет деятельность с успешным исходом. Словосочетание заняться починкой описывает участие, которое может закончиться иначе. В обычной речи нам не требуется постоянно различать все оттенки, но при разборе неудачного дела они становятся важными. Если Павел скажет, что починил шкафчик, сосед может ожидать работающую дверцу. Если он скажет, что снял старую защёлку, ожидание будет значительно уже. Точность здесь касается основания чужого ожидания, а не литературной аккуратности.

Теперь допустим, что Павел открутил два винта и установил новую деталь. Дверца всё ещё не держится. Его движение и замена не исчезают от отсутствия успеха. Но они не становятся удачным ремонтом только потому, что требовали времени. Полезно сохранить оба сведения: новая защёлка установлена; нужная работа ещё не восстановлена. Это позволяет выяснять причину оставшейся трудности, не преувеличивая достижение и не обнуляя состоявшееся участие.

Наш пример касается спокойной обратимой задачи, а не безопасности сложного устройства. Мы не даём инструкцию по ремонту и не предполагаем, что Павлу следовало продолжать самому. Он может остановиться и обратиться к человеку с нужным опытом. Важно лишь, что следующий разговор будет различаться в зависимости от того, что уже сделано. Совета о покупке детали недостаточно, если она установлена; проверки работы недостаточно, если действие ещё существует только в намерении.

II. Намерение направлено вперёд

Намерение Павла имеет содержание и временную направленность: в субботу заменить защёлку, чтобы дверца держалась. Оно может быть искренним и определённым до появления доступного случая. Человек способен заранее выбрать действие, которому позднее помешает отсутствие инструмента или изменение обстоятельств. Поэтому недостигнутый результат сам по себе не доказывает, что намерения никогда не было. Но и ясное намерение не доказывает, что действие началось или будет осуществлено именно так, как было задумано.

У Аристотеля в III.2–3 «Никомаховой этики» выбор рассматривается иначе, чем простое желание результата. Для нашей сцены узкая польза этого различия состоит в вопросе о выбранном участии. Павел может хотеть исправную дверцу и одновременно не знать, собирается ли сам заменять защёлку или просить помощи. Пока этот вопрос не решён, картину желаемого состояния рано описывать как определённое исполнение. Древняя этическая классификация не превращается от этого в современную теорию ремонтного поведения.

Есть и более точное намерение, которое остаётся условным: заменить деталь, если крепление совпадёт и работа окажется безопасной. Условие не делает решение слабее автоматически. Оно определяет его предмет и предел. Если выяснится, что нужна другая конструкция, отказ от прежней замены может соответствовать намерению, а не противоречить ему. Смысл первоначальной причины сохраняется — восстановить работу дверцы; выбранный способ пересматривается после нового сведения, которого раньше не было.

Чтобы честно рассказать о намерении, не нужно создавать подробный внутренний протокол. Достаточно не выдавать позднее объяснение за заранее известное решение. Возможно, Павел помнит только общее желание и покупку детали. Тогда степень точности рассказа ограничена. Он может признать, что не помнит, когда именно выбрал замену. Такое признание не запрещает обсуждать дальнейшее действие; оно удерживает границу между известным содержанием прошлого решения и нынешней реконструкцией его смысла.

III. Попытка имеет предмет

Попыткой можно назвать направленное участие, успех которого ещё открыт. Но не всё, что происходит рядом с задачей, является попыткой выполнить именно её. Павел рассматривает упаковку защёлки — это может быть проверкой совместимости. Он нажимает установленную деталь и закрывает дверцу — это уже попытка получить нужное удержание. Различие определяется предметом действия, а не количеством потраченной энергии. Одно и то же движение может служить разным задачам, поэтому описание требует контекста.

Допустим, винт не поддаётся, и Павел после короткой пробы прекращает вращать отвёртку. Он попытался открутить винт, но винт остался на месте. Утверждение о попытке не является завуалированным утверждением о снятой детали. Оно сообщает другое: выбранный способ был применён к определённому предмету без нужного завершения. Это полезное сведение для следующего решения. Оно не устанавливает, почему винт не повернулся, и не даёт права додумать повреждение или недостаток навыка.

Иногда слова я пытался используются слишком широко: человек только думал о деле или ждал неизвестного удобного момента. Бывает и обратное: попытку невозможно увидеть со стороны, поскольку нужная работа состояла в воспоминании, чтении или проверке решения. Поэтому правило видимого движения нам не подходит. Важно спросить, какое занятие человек называет попыткой и по какой причине оно направлено на эту задачу. Отсутствие внешнего результата само не разрешает отрицать ненаблюдаемое участие.

В нашей сцене ответ доступен: Павел применил отвёртку к винту, стремясь его снять, и наблюдаемого поворота не получил. Можно описать это без обещания повторять до победы. Попытка не создаёт обязанности продолжать неподходящим способом. Если появляется риск повреждения или сам Павел решает не продолжать, остановка сохраняет сделанное в прошлом. Она добавляет новое решение о будущем, которое следует рассматривать отдельно от вопроса, состоялась ли прежняя проба.

IV. Историческое исполнительное воление

В *Mental Philosophy* Хейвен различает мотив, выбор и исполнительное воление. В выбранном контексте он подчёркивает, что после решения может не появиться возможность исполнения. Далее он отделяет завершённость воления от успеха усилия. Это историческая психологическая позиция XIX века; её язык души, телесного механизма и обращения к сознанию мы не принимаем как установленное современное объяснение. Используем лишь различение вопросов, которые автор не считает тождественными. Первичный контекст, с.530–531.

Здесь легко сделать слишком сильный вывод: раз успех не тождествен волению, внешнее событие будто бы не имеет значения. Но такое заключение не требуется ни нашей сцене, ни узкому различию. Павел хотел закрывающуюся дверцу; её работа остаётся существенной для цели. Одновременно мы не обязаны считать несостоявшимся всякое его действие, если дверца не держится. Вопрос о завершённом участии и вопрос о достигнутом результате могут сохранять значение рядом, не отменяя друг друга.

Не следует также приравнивать историческое исполнительное воление к современной попытке во всех употреблениях. Хейвен описывает особый момент своей системы, тогда как наша речь может называть попыткой длительную последовательность занятий. Мы не утверждаем, что Павел прошёл обязательные внутренние стадии именно в заданном порядке. Первичный текст полезен как свидетельство того, что различие решения, исполнения и успеха обсуждалось внутри конкретной исторической позиции. Это не результат наблюдения за нашим вымышленным персонажем.

Поэтому заимствование остаётся ограниченным. Оно предлагает не пропускать вопрос об исполнении между решением и итогом. Какие действия были предприняты? Какие закончены под определённым описанием? Что ещё требуется для заявленного результата? У этих вопросов разные ответы, даже когда их кратко объединяют словом сделать. Историческая опора не назначает человеку меру заслуги, не вычисляет ответственность и не объясняет неизвестное препятствие. Она помогает оставить в рассказе место для нескольких определённых фактов.

V. Действие заканчивается под описанием

Павел снял старую защёлку, но не починил дверцу. Это предложение показывает, что завершение зависит от того, какое действие названо. Снятие детали может закончиться, пока ремонт остаётся незавершённым. Такой относительности не следует приписывать произвольность: старой защёлки либо нет на креплении, либо она ещё там. Описание имеет проверяемый предмет. Просто предмет уже, чем общий замысел. Благодаря этому можно признавать завершённый этап без обещания завершённости всей работы.

Другой пример — письмо человеку с нужным опытом. Павел составил сообщение, отправил его и не получил ответа. Написать, отправить и договориться о помощи — разные действия. Первые два могли состояться; третье ещё не состоялось. Отсутствие ответа не делает отправку небывшей и не превращает молчание в согласие. Если назвать всё одним действием обратиться и затем считать помощь обеспеченной, в рассказ войдёт чужое участие, о котором фактов пока нет.

При уточнении описания важно не выбирать самый узкий глагол только ради ощущения успеха. Павел действительно повернул отвёртку, но если обещал заменить защёлку, сообщение о повороте не отвечает на весь вопрос собеседника. Честный рассказ может включать оба масштаба: что завершено и что оставалось обещанным. Узкое действие не обязано доказывать исполнение широкого обязательства. Иначе полезное различие превращается в словесный способ закрыть задачу, которая для другого человека всё ещё открыта.

Обратная ошибка состоит в признании только самого широкого исхода. Пока шкафчик не работает, будто бы не существует ни проверки, ни снятия детали, ни запроса помощи. Такой рассказ лишает следующего участника информации. Ему приходится повторять уже сделанное или предполагать то, чего не было. Точность означает сохранить конкретные завершения в пределах их содержания. Они могут быть недостаточными для цели и одновременно достаточными для изменения определённого положения дел, которое теперь нужно учитывать.

VI. Результат требует отдельной проверки

В совместной работе предел завершения может быть заранее согласован. Один участник снимает деталь, другой подбирает замену, третий проверяет работу. Тогда окончание собственной части не равно окончанию всей задачи, но и не теряет самостоятельного значения. Павлу следует сообщить именно тот факт, на котором следующий участник может начать свою часть. Если условия передачи не были согласованы, можно уточнить их сейчас, сохраняя различие между уже совершённым действием и новым соглашением о дальнейшем участии.

После установки новой защёлки Павел закрывает дверцу. Она удерживается один раз, но при следующем открытии снова отходит. Какой результат получен? Если требовалось проверить единичное закрытие, первая проба дала положительное наблюдение. Если требовалась устойчивая работа, одного наблюдения недостаточно. Здесь не нужно придумывать число обязательных проверок. Оно зависело бы от настоящего устройства и требований к нему, которых наша статья не задаёт. Нужно лишь не расширять смысл одной пробы молча.

Успех под более узким условием может оказаться действительным и ограниченным. Павел установил деталь, которая совпала по отверстиям. Это не доказывает, что именно она решает исходную проблему. Возможно, защёлка ни при чём; возможно, нужны сведения о положении дверцы. Ни одну из возможностей мы не объявляем причиной. Они показывают, какой тип неизвестности остаётся после определённого завершённого действия. Следующая проверка должна отвечать на эту неизвестность, а не ещё раз подтверждать уже известную установку.

Бывает и обратная ситуация: нужное состояние появилось без ожидаемого участия человека. Пока Павел отсутствовал, другой согласный участник поправил дверцу. Тогда шкафчик работает, но утверждение, что Павел сам его исправил, не следует из результата. Полученный исход и авторство действия снова разделяются. Этот вопрос будет подробно рассматриваться в отдельной статье о причине и авторе. Здесь достаточно удержать его предел: успех не служит полным рассказом о том, кто именно и что именно сделал.

Проверка результата также не равна гарантии будущего. Даже в простом примере нынешнее закрытие не описывает все последующие использования. Павел может честно сказать, что сегодня дверца держалась при определённой проверке, и оставить более сильное утверждение открытым. Ограничение не делает результат бесполезным. Оно позволяет понять, на какое наблюдение человек опирается. Если от вещи зависит безопасность или важная договорённость, требуемая проверка определяется соответствующим предметом, а не философским желанием закончить историю красиво.

VII. Неудача не выбирает объяснение

Дверца не держится, но из этого не следует единственная причина. Неподходящая деталь, неверное крепление, другое устройство проблемы и недостаточная проверка — разные предположения. Чтобы выбрать между ними, нужны сведения, которых один итог не даёт. Равным образом результат не доказывает скрытого нежелания Павла или его общего недостатка способности. Мы можем знать о конкретной неудачной попытке и ничего не знать о многих более широких утверждениях, которые легко присоединяются к ней в разговоре.

Это не запрет оценивать качество выполненного дела. Если определённый факт установлен, его можно назвать. Например, при осмотре обнаружилось, что Павел не закрепил второй винт. Такое сведение отличается от общего предположения, что он всегда невнимателен. Оно даёт предмет для исправления, хотя ещё не объясняет, почему винт пропущен. Причину ошибки иногда удаётся выяснить, иногда нет. Описать известное и удержать неизвестное — более точная задача, чем быстро связать результат со всем характером человека.

Павел также может ошибочно считать отсутствие результата отсутствием участия: я даже не попробовал. Тогда запись о применённом способе возвращает в историю состоявшуюся попытку. Но это не оправдательный рассказ о том, что больше ничего не нужно. Если дверца остаётся важной задачей, предстоит выбрать следующий шаг. Признание усилия и признание незавершённой цели совместимы. Они отвечают на разные вопросы, и ни один не должен использоваться для удаления второго без основания.

В разговоре с другим человеком полезно уточнить, о чём тот спрашивает. Его может интересовать не интенсивность старания, а возможность пользоваться шкафчиком. Павел вправе описать попытку, но ему стоит отдельно сообщить, что работа ещё не восстановлена. Это уважает значимость результата для собеседника. Если помощь нужна, точный список действий будет полезнее общего утверждения о большой трудности. Он не гарантирует решение, зато уменьшает неизвестность о том, с какой ситуации начинается дальнейшее участие.

VIII. Остановка и пересмотр сохраняют прошлое

После нескольких проб Павел решает отложить ремонт. У него нет нужной детали и времени на выяснение устройства. Остановка означает, что он сейчас прекращает определённое участие. Она не превращает снятие защёлки или отправленное письмо в несостоявшиеся события. Прошлые действия остаются частью ситуации, в том числе со своими последствиями. Если шкафчик разобран, нужно учитывать это состояние; новое решение о будущем само не возвращает вещь к первоначальному виду и не завершает прежний замысел.

Пересмотр отличается от простого продолжения прежней попытки. Павел может решить, что разумнее попросить помощь вместо самостоятельной замены. Тогда меняются выбранный способ и распределение участия. Не нужно описывать это как тайную победу первоначального плана или как полную капитуляцию. Сохранённая причина допускает другой путь, если путь действительно доступен и согласован. Если же сама цель перестала быть важной, это другой пересмотр, который также можно назвать, не подгоняя под прежнее обещание.

Договорённости с другими требуют отдельного внимания. Если Павел обещал освободить шкафчик для общей работы, его решение остановиться может оставить для других нерешённый вопрос. Точность собственной истории не заменяет сообщения и обсуждения новых условий. Она позволяет сделать такое обсуждение предметным: что завершено, что не работает, какая помощь требуется и что пока нельзя обещать. Участники могут не согласиться с оценкой; это не устраняется правильным выбором глагола и не должно скрываться внутри него.

В безопасной задаче право остановиться защищает возможность решения, а не освобождает автоматически от всех последствий. При угрозе, принуждении или опасности приоритет имеют безопасность и подходящая поддержка. Философский разбор не определяет профессиональные или правовые обязанности. Наш вывод уже: новая остановка и прежнее действие принадлежат разным моментам. Рассказывать о них можно вместе, сохраняя различие того, что произошло, и того, что человек теперь намерен делать или не делать дальше.

IX. Рассказ после дела меняет точку зрения

До начала Павел смотрел на будущую исправную дверцу. После неудачи он видит известную последовательность действий. Если читать прошлое только через нынешний итог, всё начинает выглядеть как движение к заранее заданной неудаче. Но во время выбора такого знания у него не было. Возможно, деталь казалась подходящей по доступным признакам. Это не доказывает правильности выбора; оно требует различать прежние основания и позднейшее знание. Оценка получает содержание, когда известно, какие сведения были доступны тогда.

Обратная реконструкция тоже возможна: после удачного результата все предшествующие шаги объявляются необходимыми и правильно выбранными. Хотя результат мог зависеть от дополнительной помощи или случайно подходящего условия. Наш пример не даёт данных, чтобы установить такой ход. Он лишь показывает предел истории, собранной вокруг одного финала. Сам итог не объясняет роль каждого шага. Некоторые действия могли быть полезными, другие лишними; это нужно выяснять отдельно, если такой вопрос вообще важен для следующего участия.

Полезная запись сохраняет несколько временных точек без превращения их в громоздкий отчёт. Что было намерено до начала? Какая попытка действительно предпринята? Какое действие завершилось? Что наблюдалось после? Что решено теперь? На каждый вопрос может быть короткий ответ или признание неизвестности. Не требуется восстанавливать весь внутренний мир Павла. Достаточно не позволять одному слову выполнено поглотить разные факты или одному слову провалено удалить то, что состоялось под более узким описанием.

Такой рассказ может помочь при передаче задачи. Следующий участник получит не обещание решить всё и не впечатление о большой работе, а состояние вещи и известные действия. Это не универсальная техника эффективности. В нашей условной сцене это смысл точного сообщения. Он касается отношения между словами и доступными основаниями. Если для передачи достаточно двух предложений, подробная запись не становится обязательной. Философское различение должно прояснять человеческое дело, а не создавать вокруг него дополнительную повинность.

X. Четыре вопроса вместо одного итога

Намерение, попытка, действие и результат можно представить как четыре вопроса, а не как неизменную лестницу. Чего человек собирался достичь? На что было направлено фактическое участие? Что завершилось под определённым описанием? Какое состояние получилось и проверено? Некоторые ответы совпадут, другие останутся открытыми. В сложном деле возможны несколько попыток, возвращение к подготовке и изменение цели. Наша карта не объясняет скрытый механизм; она удерживает различие утверждений, которые требуют разных оснований.

Хейвен в прочитанном историческом контексте отличает решение и исполнительное воление, а воление не связывает простым тождеством с успехом усилия. Аристотелевское различие помогает не смешивать желаемую цель с выбранным участием. У этих позиций разные предпосылки. Мы не выводим из них современную общую теорию и не принимаем спорные исторические описания принуждения или телесного исполнения. Авторская сцена дверцы показывает только узкую возможность говорить о завершениях точнее, не объявляя согласие всей философской истории.

Павел может теперь сказать: я хотел восстановить работу, заменил деталь, проверил закрытие и нужного устойчивого результата не получил. Это предложение не решает техническую проблему. Оно устанавливает предмет следующего разговора. Можно проверить неизвестное, попросить помощь, изменить способ или отложить задачу с учётом последствий. Ни один вариант не требуется лишь для подтверждения образа деятельного человека. Дальнейшее решение имеет собственную причину и собственные условия, которые ещё нужно назвать и проверить.

Самое существенное здесь — не замена слова неудача более приятными словами. Неудачный результат остаётся неудачным относительно заявленной цели. Но он перестаёт быть единственным фактом всей истории. Попытка остаётся попыткой, завершённое действие сохраняет свой предмет, неизвестность не получает выдуманного объяснения. Благодаря этому человек может отвечать за состоявшееся участие без обещания полной власти над результатом. А другой человек получает сведения, на которые действительно можно опереться в собственном следующем решении.

Что это значит на практике

Выберите один небольшой безопасный завершившийся случай, о котором хотите подумать добровольно. Лучше взять простое дело без угрозы, тяжёлого вреда и необходимости определять правовую ответственность. Запишите четыре коротких ответа: что намеревались сделать, какую попытку предприняли, что завершили и какой результат наблюдали. Если ответа нет, оставьте вопрос открытым. Не заполняйте его оценкой характера или предполагаемым чужим мотивом.

Проверьте глаголы. Написать сообщение, отправить его и договориться — разные завершения. Установить деталь и восстановить работу — тоже. Уточните только то различие, которое действительно важно в выбранном случае. Не дробите каждое движение ради подробного учёта. Смысл пробы состоит в том, чтобы одна широкая оценка не скрывала нужное сведение и один узкий успех не выдавался за весь обещанный результат.

Если предстоит следующий шаг, назовите его отдельным нынешним решением. Это может быть проверка, уточнение, просьба о помощи или остановка. Проба не гарантирует успеха и не требует повторения. Прекратите её, если запись усиливает давление; при необходимости безопасности или профессионального разбора используйте подходящую поддержку. Узкий результат — более точный рассказ об одном деле, а не заключение о силе воли, способности или достоинстве человека.

Ключевая цитата

> *не от успеха усилия*

Джозеф Хейвен, *Mental Philosophy*, с.530–531, абзац после описания исполнительного воления. Собственный перевод фрагмента о том, от чего автор отделяет завершённость воления. Сохранена отрицательная связь; она не означает, что результат не важен для цели или для других людей.

Связи между традициями

Аристотель III.2–3 различает желание цели и выбор участия внутри этики поступка. Хейвен в выбранном разделе строит историческое описание мотивов, выбора и исполнительного воления. Их вопросы можно сопоставить, но различие предметов и предпосылок сохраняется. Мы не принимаем язык души и механизма как современное физиологическое объяснение и не превращаем старые примеры принуждения в правило оценки сегодняшнего согласия.

Павел и дверца — авторская условная сцена. Она отличается от статьи о переходе намерения к началу: здесь главным становится статус уже предпринятого или завершённого участия относительно результата. Вопрос о причине и авторе также остаётся отдельным: достигнутое состояние не рассказывает само, кто и что сделал.

Первоисточники

1. Joseph Haven, *Mental Philosophy: Including the Intellect, Sensibilities, and Will*, издание1881, раздел о воле, выбранный контекст с.521–531, особо с.530–531. Project Gutenberg45041. Прочитаны выбранные первичные абзацы, а не вся книга; обе короткие цитаты относятся к собственному тексту Хейвена.

2. Aristotle, *Nicomachean Ethics*, III.2–3, перевод W.D.Ross. Internet Classics Archive. Выбранные разделы прочитаны; используется узкое различие цели и выбора. Права конкретных версий остаются ограничены территорией и редакцией; всемирная свободность не заявлена.

Теги

намерение, попытка, действие, результат, завершение, исполнение, выбор, цель, Джозеф Хейвен, Аристотель, философия действия, история психологии, описание, проверка, неизвестность, ошибка, помощь, договорённость, пересмотр, остановка, участие, ответственность, условия, добровольность, бытовая сцена, передача задачи, границы знания, United Wisdom

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.